
**СИНТЕЗ ПЕРСИДСКОЙ И ИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
В «КАСЫДЕ О ЖЕНСКИХ ТИПАХ» ХУШХАЛ-ХАНА ХАТТАКА
(к вопросу о специфике формирования
«молодой» литературы Средневековья)**

Я.И. Куницкая

Кафедра иранской филологии
Институт стран Азии и Африки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 101999

В данной статье анализируется стихотворение основателя национальной афганской литературы Хушхал-хана Хаттака, представляющее собой переосмысление индийских трактатов о любви и отражающее окружавшие автора традиции персидской и индийской литературы. Эта касыда, рассказывающая о верном выборе спутницы жизни, становится очередной главой «энциклопедии жизни», составляемой автором на протяжении всего его творчества. Отбирая и перерабатывая классический материал, Хушхал-хан соединяет его с собственными размышлениями, подчиняет личным творческим задачам и формирует, таким образом, уникальное авторское произведение. В целом, сочинение, составленное в соответствии с подобными принципами работы, отражает специфику формирования «молодой» литературы Средневековья.

Ключевые слова: литература Афганистана, взаимосвязи литератур, поэтический канон, индийские трактаты о любви.

Закономерности мирового литературного процесса и связанные с ними вопросы типологии и взаимосвязей различных литературных традиций являются одними из центральных проблем, разрабатываемых теорией и историей литературы в XX веке. В отличие от западной художественной словесности, прошедшей линейный путь развития от древности к современности, история восточных письменных литератур на фоне трех древних культур (Иран, Индия, Китай) демонстрирует целый ряд традиций, которые сформировались лишь в эпоху Средневековья. Такие литературы характеризуются особым путем становления и развития, в связи с чем они получают в отечественном востоковедении название «молодые» (концепция Н.И. Конрада) [2. С. 25] или «интегрируемые» (по выражению В.И. Брагинского) [2. С. 25].

В число молодых традиций Средневековья входит и афганская словесность на языке пушту, становление которой происходило при тесном взаимодействии с многовековыми культурами региона. Зарождение национальной литературы Афганистана связано с именем Хушхал-хана Хаттака (1613—1688) — одной из основополагающих фигур в культурной и политической истории Афганистана. Вождь племени хаттаков, воин, политик и отец, он видел свою миссию в воспитании достойных пуштунов и формировании единого афганского общества, которое могло бы встать на один уровень с развитыми цивилизациями Индии и Ирана. Приверженность Хушхал-хана этой цели отразилась и в творчестве, которое предоставляет богатейший материал для исследования специфики формирования

«молодой» литературы Средневековья на базе развитых словесных традиций «старых» цивилизаций и дает ясное представление о процессе становления литературы на языке пушту. Сочинения основоположника афганской литературы характеризуются яркой дидактической доминантой, широким жанровым диапазоном и тематическим разнообразием, охватывающим различные аспекты общественной и индивидуальной жизни человека. Кроме того, в своем творчестве Хушхал-хан как автор активно взаимодействует с литературным канонами: он заимствует и перерабатывает материал осваиваемых им развитых литературных традиций и насыщает его собственными наблюдениями, автобиографическими деталями и жизненными размышлениями. При этом, находясь на «пограничной» территории между персами и моголами (1), Хушхал-хан в своем литературном труде обращается не только к арабо-персидскому, но и к индийскому литературному опыту.

Одним из показательных примеров взаимодействия представителя молодой афганской словесности не только с персидской литературой, но и с традицией Индии стала касыда, рассказывающая о четырех типах женщин.

В целом, классификации женщин были общим местом во многих культурах, начиная с эпохи Древности. Основной задачей подобной классификации являлось упорядочение знаний и опыта общения мужчин с женщинами для облегчения взаимодействия с ними. Так, в Греции выделяли четыре женских типа в зависимости от их происхождения и, как следствие, основных умений: хозяйственные дочери Геры, дочери Афины, обладавшие острым умом, дочери Афродиты — прекрасные любовницы — и, наконец, дочери фурий, отличавшиеся своим скандальным нравом. В Индии же, известной своей яркой эротической культурой, четыре типа женщин определялись в соответствии с их любовным темпераментом, которому была присуща определенная внешность и поведение с мужчиной, — это *Padmini* (*санскр.* та, которая сидит в лотосе), *Sxitrini* (*санскр.* яркая, загадочная женщина), *Sxankhini* (*санскр.* раковина, мать жемчужин) и *Xastini* (*санскр.* слон).

Данная классификация приводится в трех основных индийских трактатах о любовном искусстве — «Кама-сутра» Ватьсьяны (300-е гг. до н.э. — 400-е гг. н.э.) [11], «Тайна любовной страсти» Коккоки (IX—X или XII—XIII вв.) [10], «Анага-ранга» Кальяна Малла (XVI в.) [8]. Все эти произведения схожи по содержанию, а «Ратирахасья» и «Анага-ранга» обнаруживают явную преемственность по отношению к произведению Ватьсьяны.

Тематика каждого из этих трактатов обширна и покрывает почти все вопросы, связанные с искусством плотской любви, начиная с описания сексуального поведения различных типов женщин и мужчин, которое зависит от характера, внешности и места рождения, и заканчивая многочисленными рецептами достижения физического наслаждения. Во всех трех сочинениях можно усмотреть определенную связь с архаическим мировосприятием, выражающимся, в частности, в отсутствии разграничения внешности человека и его внутреннего мира.

Тесная связь касыды на пушту с перечисленными индийскими произведениями обнаруживает себя уже в заглавии стихотворения, данного ему переписчиком, — «Одна глава из “Кока-шастра”». Проявляется она и в близости содержа-

тельной канвы сочинения к построению трактатов. Однако прямым источником Хушхал-хана, который, скорее всего, не знал санскрит, было, видимо, персидское изложение «Кока-шастры», выполненное поэтом XIV в. Зийа ад-Динаи Нахшаби, получившее название «Услада от женщин» («Лизат ан-ниса»).

Тем не менее, несмотря на тематическую схожесть афганского стихотворения и индийских трактатов, касыда Хушхал-хана значительно отличается от своего прямого источника. Афганский поэт не просто переводит материал из прозаической формы в поэтическую, но насыщает его традиционными для арабской и персидской любовной лирики мотивами и элементами описания красавицы (*васф*), а также собственными наблюдениями и размышлениями. Эти изменения обусловлены разными целями произведений Хушхал-хана и его предшественников. Главной целью санскритских сочинений было предоставление мужчине информации о женщинах, необходимой для организации счастливой сексуальной жизни. Основной же целью произведения афганского автора в соответствии с его творческим замыслом и дидактической установкой стало выделение наиболее достойного женского типа, рассказ о нахождении идеальной спутницы жизни, что привело к появлению в тексте морально-нравственных категорий и последовательных оценочных характеристик.

В своем стихотворении афганский поэт сохраняет индийскую четырехчастную классификацию, однако в отличие от санскритских источников, где отсутствуют резко отрицательные женские типы, в касыде четыре образа попарно противопоставляются друг другу — как с точки зрения содержательной, так и формальной (включая лексическую и ритмическую организацию текста). Кроме того, автор меняет названия трех из четырех типов женщин. В новых наименованиях также проявляет себя дидактическая направленность пуштунской касыды:

И в низких, и в высоких сословиях есть женщины,
Но сколько бы их ни было в мире, всего четыре типа насчитывается:
Благоухающая розами, благонравная, звероподобная, слоноподобная,
Встречались мне всякие, и я знаю о каждой. [9. С. 88]

Наиболее явно отличаются от индийских героинь названия второго и третьего типа — и именно при создании этих образов Хушхал-хан переносит акцент с внешней характеристики на описание нравственных качеств.

Структурно касыда состоит из шести частей: введение (два двустипшия-бейта), четыре части с описанием «характеров» (два положительных и два отрицательных — всего 35 бейтов) и заключительные выводы (четыре бейта). При этом первым трем типам женщин Хушхал-хан посвящает равное количество стихов — по 10 бейтов, а последнему отводит пять бейтов. Между четырьмя основными частями автор располагает переходные бейты, таким образом еще четче выделяя структуру стихотворения, как бы разбивая его на главы. Такое явное выделение разделов стихотворения приближает стихотворную форму касыды к трактату и частично копирует композиционные приемы индийских источников. Кроме того, подобная композиция наилучшим образом позволяет автору сфокусировать внимание на отдельных деталях описания и привести читателя к понятному и логичному наставлению.

Первый в стихотворении характер «благоухающей розами» создается с помощью подробной характеристики внешности героини. Образность и приемы, используемые при формировании данного женского типа, оказываются наиболее близкими к традиции литературы Индии. Так, сравнение девушки с лотосом, образ бабочек, порхающих вокруг нее, и обращение к ситуации, когда героиня жует *бан*, возникающие в третьем и четвертом бейтах касыды, заимствованы из литературы Индии и не типичны для ирано-мусульманской поэзии. На преемственность созданного Хушхал-ханом образа «благоухающей розами» по отношению к традиции описания индийской красавицы указывает и перечисление стран, в которых распространен, по словам автора, данный женский тип:

В Китае и Индокитае есть много благоухающих розами,
В Индии также их родинки везде виднеются. [9. С. 91]

При этом отметим, что такие детали «портрета», как описание лба, глаз, рта, носа, щек, а также некоторые черты поведения, напротив, наследуют элементы классического описания красавицы в персидской любовной поэзии. В то же время яркая эротическая составляющая этого описания сближает героиню не только с индийской традицией, но и с доисламской устной поэзией и фольклором. В соответствии с фольклорными законами идеальная внешность «благоухающей розами» обуславливает и ее целомудренное поведение: так, большая часть рассказа о ней — 8,5 бейтов — посвящена описанию внешности, а характеристика поведения красавицы занимает лишь 1,5 последних бейта.

Прямо противоположное соотношение количества бейтов присутствует в описании «благонравной» героини, которая, таким образом, становится прекрасной в первую очередь благодаря своей внутренней красоте. Характеристика «благонравной» начинается со сравнения этого типа с предыдущим:

Благоухающая розами у меня была, благонравную тебе дарую,
По красоте и прелести она подобна пахнувшей розами.
Нет у нее тех двух свойств: того, что бабочки над ней порхают,
[И того, что], жует ли она бан, пьет ли вино, остается прекрасной. [9. С. 89]

От *Sxatrini* у героини Хушхал-хана остается любовь к пению, кокетливая, веселая и страстная натура, сравнение с птицами и аромат меда. Однако, сохраняя внешние признаки индийской героини, Хушхал-хан фокусирует внимание на характеристике основных этических аспектов ее жизни — привычек и правил поведения, ведения хозяйства, отношений с мужем, нравственных установок. Эта часть описания уже обнаруживает преемственность по отношению мусульманскому идеалу поведения:

В согласии с желанием и честью внешне и внутренне она одинакова,
Для [сохранения] чести своего друга сгорает, как кебаб.
Всегда и обязательно она говорит правду,
Никогда ложь не будет сказана ее устами и языком. [9. С. 89]

Надо отметить, что в эти бейты поэт включает также суфийские понятия *захир* («внешний») и *батин* («внутренний») и один из основных заветов Мухам-

мада — всегда говорить правду, что еще раз подчеркивает морально-этический настрой и дидактическую направленность касыды. Таким образом, наиболее важным качеством женщины для Хушхал-хана, в отличие от составителей индийских трактатов о любви, становится не столько внешняя, сколько внутренняя красота, благонравие, правдивость и целомудрие.

Окончательное подтверждение тому, что «благонравная» является авторским идеалом женщины, читатель находит в трех последних бейтах касыды:

В Кашмире, Фархаре, Кабуле, Кандагаре и до Хорасана —
Везде благонравных много.
Нет ни одного государства и края, где не было бы благонравных,
Повсюду хвалебные песни во славу им раздаются.
Небеса, которые день и ночь не успокаиваются и движутся,
Ради благонравных, [это] я, Хушхал, говорю, принесены в жертву. [9. С. 91]

Полную противоположность «благонравной» представляет собой «звероподобная»: она зла, нечистоплотна и безнравственна, изменяет мужу и сплетничает с соседками. Как и при формировании предыдущего образа, описание «звероподобной» фокусируется на характеристике ее нрава и содержит лишь краткое описание внешности. Суть этого женского типа определена его названием: по своим свойствам она напоминает животных, которые в своей жизни руководствуются инстинктами, но не моралью:

Злословия и клеветы много, смысла в речах мало.
Жаркий аромат от нее исходит, как безумный.
Любовь [ее] кусается, щипается и разрывает [на части]... [9. С. 90]

С индийской *Sxankhini* «звероподобную» объединяет достаточно много внешних черт и описательных характеристик — это раздражительность, порочность, жестокосердие, грубость. Прямым заимствованием из санскритских источников является и жаркий аромат героини, и ее стремление царапаться и кусаться.

В то же время картина грехов «звероподобной» соответствует уже не индийскому миропониманию, а тому, которое заложено в арабо-персидской литературной традиции и содержит перечисление качеств, порицаемых именно в мусульманской этике:

Не думает о чести, не стыдится и лжет,
В объятиях мужа сердце ее волнуется о других.
Паломничества избегает... [9. С. 90]

Характеристика «звероподобной» заканчивается описанием ее лица, которое отражает всю «черноту» ее безнравственной натуры:

Теперь послушай меня, лицо у нее, звероподобной, черное... [9. С. 90]

Последним женским типом, описанным Хушхал-ханом в этой касыде, становится образ «слоноподобной» — противоположность «благоухающей розами». Сравнение героини со слоном, возникшее в индийской любовной традиции, видимо, было продиктовано стремлением сопоставить определенный тип женщины

с внешностью и повадками животного. Основными характеристиками Hastini являются колючие жесткие волосы, неприятный запах, большой размер конечностей, громкий голос, злонравие, злоупотребление пищей и, как следствие, полнота.

Все эти внешние черты повторяет и Хушхал-хан при описании «слоноподобной». Афганский автор останавливает также свое внимание на ее пугающих зубах — черте, также характерной именно для индийской литературы и символизирующей еще в тамильской лирике «опасный аспект женского начала» [4]:

Некрасивы ее губы, видны все зубы, так что мужчины пугаются. [9. С. 90]

Итак, основные черты этой героини, как и «благоухающей розами», почерпнуты из индийских трактатов и ограничиваются лишь описанием внешности и некоторых привычек. Однако при этом афганский писатель формирует еще более негативную картину по сравнению с санскритскими источниками с помощью отбора наиболее эмоциональных слов при описании образа.

С лексической точки зрения особый интерес представляет собой одна строка из описания «слоноподобной»:

Не разбирается она в видах любви: в 'ишк, в мухаббат, в михр, в мина. [9. С. 90]

Автор перечисляет слова различного происхождения, которые переводятся на русский язык как «любовь», указывая, с одной стороны, на многогранность этого чувства, различие его видов (от телесно-чувственного до духовного), а также различие его национальных проявлений, с другой стороны, на то, что героиня лишена утонченности в восприятии чувств. Эта строка еще раз подтверждает и разнородность источников данной касыды.

В целом, лексический состав данной касыды отличен от большинства произведений Хушхал-хана, насыщенных персидскими, отчасти арабскими заимствованиями, — большая часть употребленных в этом сочинении слов исконно афганские. Данный факт указывает на народную основу касыды, близость к местным фольклорным корням, доминанту индивидуально-авторского замысла и оригинальность его реализации.

Кроме того, важное значение имеет и выбранная автором ритмическая схема стихотворения. При переходе от похвалы к отрицательным характеристикам плавная «мелодия» неспешного любования женской красотой сменяется на дробные такты многочисленных перечислений, создающие прерывистый ритм. Стихи наполняются низкой и неблагозвучной лексикой, что переводит стихотворение в стилистический регистр осмеяния, хулы. Подобные стилистические приемы позволяют автору усилить эмоциональное воздействие касыды на слушателя.

Итак, «Касыда о женских типах» представляет собой уникальный образец жанрового синтеза. Объединяя родовые черты касыды и дидактического трактата, она являет собой специфическое руководство по правильному выбору спутницы жизни, еще одну главу из «энциклопедии жизни», создаваемой Хушхал-ханом Хаттаком для своих соплеменников. Тематическая основа, заимствованная афганским автором из древних индийских трактатов о любви, трансформируется в оригинальное произведение, созданное по каноническим законам средневеко-

вой литературы. При этом изменения касаются не только формы изложения материала, который переносится из прозы в поэзию, из трактатной структуры в поэтическую, но и семантического уровня текста. Поставив перед собой новую, отличную от предшественников цель, Хушхал-хан включает в традиционную содържательную канву индийского источника многочисленные мотивы и образы персидской классической лирики, демонстрируя тем самым преемственность по отношению к ирано-мусульманской литературной традиции, на которую опирались все его поэтическое творчество. Назидательная установка и личные предпочтения автора выражены через его собственные размышления и наблюдения. В результате возникает стихотворение, в котором переплетаются восходящие к местной племенной традиции мотивы, отчасти архаичное мироощущение поэта и его житейская мудрость, яркие эротические описания женских типов из санскритских трактатов о любви, мусульманский этический идеал женского целомудрия. В этом удивительном синтезе проявилось мастерство Хушхал-хана в работе с заимствованными элементами смыслового и структурного плана, авторская оригинальность художественного замысла и его реализации на новой языковой и культурной почве.

Таким образом, данное произведение Хушхал-хана Хаттака является ярким образцом специфики формирования «молодой» литературы Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Империя Великих Моголов — название государства, существовавшего на территории современных Индии, Пакистана и юго-восточного Афганистана с 1526 по 1540 и с 1555 по 1858 годы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М.: Наследие, 1994.
- [2] *Брагинский В.И.* Проблемы типологии средневековых литератур Востока. — М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
- [3] *Герасимова А.С., Гирс Г.Ф.* Литература Афганистана. Краткий очерк. — М., 1963.
- [4] *Дубянский А.М.* Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. — М., 1989.
- [5] *Лебедев К.А.* Афганистан: язык, литература, этнография. — М.: Муравей, 2003.
- [6] *Пелевин М.С.* Хушхал-хан Хаттак (1613—1689). Начало афганской поэзии. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- [7] *Рейснер М.Л.* Персидская лироэпическая поэзия X — начала XIII в. генезис и эволюция классической касыды. — М.: Наталис, 2006.
- [8] *Kalyan Mall Ananga Ranga.* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sacred-texts.com/sex/ar/index.htm> (Дата обращения: 12.11.2014).
- [9] *Khoshhaal Khan Khatak.* Armaghan-i Khoshhaal. Peshavar, 1999.
- [10] *Kokokka Rati Rahasya.* [Электронный ресурс]. — URL: http://ebookey.org/RatiRahasya-Rati_Rahasya-of_Kokkoka_699097.html (Дата обращения: 12.11.2014).
- [11] *Vatsyana Kama Sutra.* [Электронный ресурс]. — URL: <http://readcentral.com/massappealnews/book/Vatsyayana/Read-The-Kama-Sutra-of-Vatsyayana-Online> (Дата обращения: 12.11.2014).

LITERATURA

- [1] *Averincev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grincer P.A., Mihajlov A.V.* Kategorii pojetiki v smene literaturnyh jepoh // *Istoricheskaja pojetika. Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya*. — M.: Nasledie, 1994.
- [2] *Braginskij V.I.* Problemy tipologii srednevekovyh literatur Vostoka. — M.: Nauka, GRVL, 1991.
- [3] *Gerasimova A.S., Girs G.F.* Literatura Afganistana. Kratkij ocherk. — M., 1963.
- [4] *Dubjanskij A.M.* Ritual'no-mifologicheskie istoki drevnetamil'skoj liriki. — M., 1989.
- [5] *Lebedev K.A.* Afganistan: jazyk, literatura, jetnografija. — M.: Muravej, 2003.
- [6] *Pelevin M.S.* Hushhal-han Hattak (1613—1689). Nachalo afganskoj poezii. — SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001.
- [7] *Rejsner M.L.* Persidskaja lirojepicheskaja poezija X — nachala XIII v. genezis i jevoljucija klassicheskaj kasydy. — M.: Natalis, 2006.
- [8] *Kalyan Mall* Ananga Ranga. [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.sacred-texts.com/sex/ar/index.htm> (Data obrashhenija: 12.11.2014).
- [9] *Khoshhaal Khan Khatak* Armaghan-i Khoshhaal. Peshavar, 1999.
- [10] *Kokokka* Ratirahasya. [Jelektronnyj resurs]. — URL: http://ebookey.org/RatiRahasya-Rati_Rahasya-of_Kokkoka_699097.html (Data obrashhenija: 12.11.2014).
- [11] *Vatsyana Kama Sutra*. [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://readcentral.com/massappealnews/book/Vatsyayana/Read-The-Kama-Sutra-of-Vatsyayana-Online> (Data obrashhenija: 12.11.2014).

SYNTHESES OF PERSIAN AND INDIAN TRADITIONS IN KHUSKHAL-KHAN KHATTAK'S «QASIDA ABOUT WOMEN TYPES» (to the subject of 'young' medieval literature origin specifics)

Y.I. Kunitskaya

Chair of Iranian philology
Institute of African and Asian Studies
Moscow State University
Mokhovaya str., 11, Moscow, Russia, 101999

This article analyses a poem, composed by the founder of national Afghani literature Khushkhal-khan Khattak, which represents a remake of traditional Indian love treatises and combines features of surrounding Persian and Indian traditions. The qasidah, telling how to make the right choice of life partner, becomes another chapter of 'life encyclopedia' that the author was creating throughout his whole literary work. Carefully selecting and modifying classical material, Khushkhal-khan integrates it with his own observations, subjects it to his literary aims and thus in the end creates a unique piece. The poem composed in accordance with such way of working reflects the specifics of 'young' Medieval literature emergence process.

Key words: Afghani literature, literatures' interrelations, poetic canon, Indian love treatise.